

© 2016 г.

**Т.А. НЕКРАСОВА**

## **ЗАПАДНЫЕ ОККУПАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ**

Оккупация по определению – это “временное занятие вооруженными силами территории противника, в ходе которого запрещается включение оккупированной территории в состав оккупирующего государства”<sup>1</sup>. Оккупационный режим, установленный в 1945 г. Великобританией, СССР, США и Францией в послевоенной Германии был задуман, во-первых, как временный, во-вторых, не подразумевал утраты Германией государственности. Оккупированные территории не становились частью других государств, а лишь передавались под их управление. Берлинская декларация от 5 июня 1945 г. объявляла, что в связи с отсутствием в Германии легитимного и дееспособного правительства союзнические державы Великобритания, СССР, США и Франция с целью сохранения порядка, управления страной и прекращения дальнейших вооруженных действий со стороны германских вооруженных сил “берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть”<sup>2</sup>.

Подчеркивалось, что этот акт не является аннексией Германии. Более того, если на протяжении военных лет среди союзников по антигитлеровской коалиции появлялись разные предложения относительно будущего Германии (в частности, планы расчленения Германии и создания нескольких германских государств), то в итоговых документах Потсдамской конференции Германия фигурировала как “экономическое целое” во главе с центральной германской администрацией<sup>3</sup>.

Таким образом, принципиальной задачей союзнической оккупации становилось преобразование Германии таким образом, чтобы она со временем смогла вернуться в состав европейского “концерта держав” в качестве самостоятельного игрока: “Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы

---

*Некрасова Татьяна Александровна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

<sup>1</sup> Большая советская энциклопедия (БСЭ), статья “Оккупация”. М., 1974, т. 18, с. 349.

<sup>2</sup> Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Соединенного королевства и Соединенных Штатов Америки и Временным правительством Французской республики. – Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии, 1943–1945 гг. М., 1946, с. 77–84.

<sup>3</sup> Сообщение о Берлинской конференции трех держав. 2 августа 1945 г. Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. – Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1980, с. 450–456; *Некрасова Т.А.* Союзники по антигитлеровской коалиции и будущее германское государство, 1941–1945 гг. – Преподавание истории и обществознания в школе, 2015, № 8, с. 3–18.

в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира”<sup>4</sup>.

Для этого союзникам следовало сделать несколько шагов: выбрать новый вектор развития Германии, согласовать его между собой, получить одобрение немцев на это развитие и реализовать намеченное на практике. Все эти действия к моменту окончания Второй мировой войны было решено осуществить в рамках оккупационного режима.

### ОККУПАЦИЯ В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ XX в.

Оккупация – частое явление в истории войн; наряду с захватом территории противника она сопутствует войнам, выполняя функции обеспечения безопасности оккупационных войск, их имущества и коммуникаций<sup>5</sup> и контроля над оккупированными территориями. Однако военных, даже командный состав, к ней, как правило, не готовят. Советский историк М.И. Семиряга, служивший после 1945 г. в Советской военной администрации в Германии (СВАГ), отмечал: “Верховное командование царской России не имело большого опыта административно-военного управления на чужой территории, за исключением кратковременного пребывания российских войск во Франции во время наполеоновских войн, затем в освобожденной в 1878 г. от турецкого ига Болгарии, и незначительный опыт был накоплен во временно отвоеванной у Австро-Венгрии Галиции во время Первой мировой войны. При советской власти в 20-е–30-е годы этот опыт в военных академиях специально не изучался, так как предполагалось в духе тогдашней советской политической стратегии, что любая занятая Красной Армией территория противника в будущей войне автоматически становится частью Советского Союза и ею, стало быть, будут управлять советские гражданские органы власти”. В результате “советские военно-дипломатические органы практически не были должным образом готовы к выполнению своих функций”. По словам М.И. Семиряги, в сходном положении находились и наши западные союзники<sup>6</sup>.

Сложности в условиях оккупации возникают и по той причине, что она может происходить при различных обстоятельствах и преследует разные цели, что провоцирует конфликты и делает ситуацию открыто непредсказуемой<sup>7</sup>. Помимо военной, существует еще невоенная оккупация, когда задачи ведения боевых действий на оккупированной территории не ставятся. У невоенной оккупации могут быть следующие задачи: восполнение военных потерь победителя, символическая демонстрация силы или общественно-политическое переустройство побежденного государства в рамках задуманного победителем послевоенного порядка<sup>8</sup>. Союзники по антигитлеровской коалиции преследовали в Германии все три названных цели, что было отражено в программе “4 д” Потсдамской конференции (17 июля–2 августа 1945 г.): демилитаризация, декартелизация, денацификация и демократизация Германии. Это были меры по радикальному переустройству страны под показательным руководством держав-победительниц, а также по обеспечению выплаты Германией репараций в восполнение их военных потерь победителей<sup>9</sup>.

Для выполнения традиционных задач невоенной оккупации Германия разделялась на четыре оккупационные зоны, каждая под управлением одного из главкомандую-

<sup>4</sup> Сообщение о Берлинской конференции трех держав, с. 450.

<sup>5</sup> БСЭ, т. 18, с. 349.

<sup>6</sup> Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995, с. 28.

<sup>7</sup> Einleitung. – Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. Paderborn, 2006, S. 11–12.

<sup>8</sup> Ibid., S. 13.

<sup>9</sup> Сообщение о Берлинской конференции трех держав, с. 451.

ших союзническими войсками: американскую, британскую, советскую и французскую. Действия оккупационных властей координировались Союзническим контрольным советом (СКС), в который входили главноначальствующие от Великобритании, СССР, США и Франции. Решения в СКС принимались на основе принципа единогласия сторон. Вероятность их воплощения в жизнь под руководством четырех руководителей оккупационных сил союзных держав, редко согласных между собой, была низкой.

Опыт взаимодействия с оккупационными державами (в частности, с англичанами и французами) был приобретен Германией после Первой мировой войны: Конрад Аденауэр, первый канцлер послевоенной ФРГ, возобновивший свою карьеру в 1945 г. в должности обер-бургомистра Кёльна, в годы Первой мировой войны на той же должности сотрудничал с британцами, оккупировавшими Кёльн, и вынес из этого сотрудничества позитивные впечатления. Оккупационные власти уважительно отнеслись к местной администрации. По словам Аденауэра, после Первой мировой войны британский военный губернатор Ч. Фергюсон “предпочел бы иметь дело непосредственно с бургомистром”, поскольку именно он, (обер)бургомистр Аденауэр, нес ответственность за исполнение всех его распоряжений<sup>10</sup>. Причиной было категорическое неприятие вмешательства в дела города Совета рабочих и солдатских депутатов, на чем и удалось “поладить” Аденауэру и Фергюсону<sup>11</sup>.

Однако к 1945 г. ситуация изменилась: прежний опыт оказался бесполезным. Во-первых, речь после Второй мировой войны шла не просто об устранении военной опасности со стороны Германии, а о ликвидации обширного военно-политического и идеологического наследия Третьего рейха. Ввиду особого характера национал-социалистической агрессии, составившей угрозу миру и человечности<sup>12</sup>, отношение к немцам со стороны оккупационных властей в 1945 г. не могло быть столь же доверительным, как в 1918 г. Опасения в отношении друг друга укрепились в сознании оккупированных и оккупантов. Аденауэр с удивлением обнаружил, что ему, несмотря на весь свой авторитет и обаяние, не удастся договориться с англичанами, в результате чего он уже 6 октября 1945 г. был уволен с должности обер-бургомистра Кёльна – той должности, на которой он взаимодействовал с англичанами после Первой мировой войны. Изменился акцент во взаимоотношениях: теперь деятельность местных германских органов управления, хотя и должна была осуществляться в соответствии с принципами Веймарской конституции (т.е. на основании прежних германских законов), но “с безоговорочным признанием” авторитета британского военного руководства<sup>13</sup>.

В 1945 г. мало помог и опыт другой оккупации Германии: в 1923 г. Рурская область была занята франко-бельгийскими войсками с целью взимания репараций, выплаты которых прекратились ввиду тяжелого экономического положения в Германии. Функцией этой невоенной оккупации было восстановление норм международного права, исполнение Веймарской республикой условий Версальского мира. И в 1923, и в 1945 гг. Германии пришлось иметь дело с французскими оккупантами, в обоих случаях стоял вопрос о выплате репараций, и даже территории оккупации пересекались. Камнем преткновения каждый раз становилось культурное высокомерие французов, которые выступали от лица европейского Просвещения, прикрывая сугубо прагматические цели – распро-

<sup>10</sup> Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М., 2002, с. 102.

<sup>11</sup> Там же, с. 101.

<sup>12</sup> В соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала от 1 октября 1946 г. функционерам Третьего рейха вменялись в вину преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, а именно: “убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет”. – Нюрнбергский процесс, т. 2. М., 1954, с. 947.

<sup>13</sup> Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. Stuttgart, 1965, S. 30.

странение французского влияния на западногерманские территории (Саар и Рейнскую область). Аденаур рассказывал о беседе 26 ноября 1923 г. с президентом межсоюзнической Рейнской комиссии в Кобленце, французом Тирамом. На вопрос “чего хочет Франция, француз произнес долгую речь о немецкой и французской культуре и их связи, но не сказал ни слова о каком-либо плане урегулирования”<sup>14</sup>.

Между первой и второй невоенными оккупациями Германии в XX в. были существенные различия. Если в 1923 г. иностранные войска занимали часть территории суверенного государства, то в 1945 г. после разгрома национал-социалистического государства оккупационные державы взяли на себя всю полноту власти на территории Германии. В германской историографии рубеж 1945 г. получил название “час ноль”<sup>15</sup>: немцы якобы оказались в ситуации “чистого выбора”, обусловленного полным крахом предшествующего пути исторического развития и необходимостью переосмыслить свое прошлое. Нацизм в один момент превратился в немыслимое зло, ошибку или случайность, а горький опыт Третьего рейха следовало в срочном порядке преодолеть закономерным возвращением в лоно демократии. Существуют также термины “катастрофа” и “освобождение”, которые в настоящее время подвергаются пересмотру<sup>16</sup>. Однако эти обозначения выполнили, по крайней мере, для Западной Германии, важную общественную функцию: миф “часа ноль” позволил объявить новое германское государство результатом свободного выбора немцев, т.е. записать позитивные последствия послевоенных решений на счет собственных инициатив; негативные же (например, раскол Германии) объяснить неблагоприятным стечением обстоятельств. При всей своей противоречивости этот миф сыграл в ФРГ судьбоносную роль, сходную с мифом “об ударе кинжалом в спину”<sup>17</sup> Веймарской республики, но на этот раз с противоположным, положительным, знаком.

Если описывать ход послевоенных событий в парадигме взаимоотношений между немцами и союзниками, то уместной окажется другая метафора “судьбоносного выбора”, точнее, его отсутствия, обозначенная в книге австралийского историка, ныне профессора университета Кембриджа (Великобритания), К. Кларка “Лунатики”<sup>18</sup>. Речь идет о том, что если европейская дипломатия в 1914 г. не смогла избежать “соскальзывания” в Первую мировую войну, то в 1945 г. немцы оказались в плену бедного спектра возможностей, которые располагались теперь исключительно в плоскости демократии. Таким образом, исследователи сталкиваются с еще одним последствием оккупации в послевоенной Германии – вынужденным противопоставлением “своего” и “чужого” образца. Поскольку демократия – это власть народа, в соответствии с которой он определяет законы своей жизни, то и воля к демократии должна исходить от самого народа, в данном случае – германского. Понятие октроирования<sup>19</sup> против-

<sup>14</sup> 26. November 1923: Schreiben des Regierungspräsidenten Köln an den Reichsminister für die besetzten Gebiete über die Besprechungen am 23. und 24. November 1923. – Konrad Adenauer. Gespräche. – <http://www.konrad-adenauer.de/dokumente/gesprache/>

<sup>15</sup> Применительно к послевоенной Германии термин стал употребляться после появления в 1948 г. итальянского фильма Р. Росселлини “Германия, год нулевой”. – Die lange Stunde Null. Gelenkter sozialer Wandel in Westdeutschland nach 1945. Baden-Baden, 2007; *Klessmann Ch.* 1945 – welthistorische Zäsur und „Stunde Null“. Version: 1.0. – Docupedia-Zeitgeschichte. – <http://docupedia.de/zg/1945?oldid=106112>

<sup>16</sup> *Lehming M.* Wer von einer “Stunde Null” spricht, ist ignorant. – <http://www.tagesspiegel.de/politik/8-mai-1945-wer-von-einer-stunde-null-spricht-ist-ignorant/11727338.html>

<sup>17</sup> Легенда “об ударе в спину” гласила, что германская армия осталась непобежденной на полях сражений, но была предана веймарскими политиками, подписавшими вопреки интересам Германии позорный Версальский мир. Эта легенда активно использовалась противниками Веймарской республики, в частности национал-социалистами, возложившими на молодую германскую демократию ответственность за последствия Первой мировой войны.

<sup>18</sup> *Clark Ch.* The sleepwalkers: How Europe went into war in 1914. New York, 2013.

<sup>19</sup> Октроирование (от французского “octroyer” — жаловать, даровать) — дарование конституции или законов высшей властью.

речит идее демократии, тем более если речь идет о внешнем, чужом вмешательстве. Оккупационные державы воспринимались немцами в 1945 г. однозначно как чужие: до капитуляции Германии они были ее врагами в мировой войне, что делало их цели диаметрально противоположными германским интересам.

Понятие “чужого” играет важную роль в философии, психологии, исторической антропологии<sup>20</sup>. Оно изначально не имеет негативной окраски и служит выделению “себя”, самоидентификации. Это означает, что частью “себя” “чужое” может стать лишь при условии сознательной ориентации на избранный образец и только в результате постепенного, добровольного усвоения искомым качеств. Определять себя можно только самому. С этой точки зрения, режим оккупации как двойной диктат (вторжение внутрь территории в сочетании с контролем над государственным переустройством) должен был вызывать умножение отторжения немцев, в особенности потому, что речь для них шла о переосмыслении своего места в жизни в прошлом, настоящем и будущем.

Советские отчеты из округа Саксония в августе 1945 г. цитируют следующее высказывание “в резких тонах”, написанное “с явно фашистских позиций”. Письмо читателя-немца в редакцию коммунистической газеты по поводу опубликованной в ней фразы “Когда народы Европы освободятся и создадут у себя демократический строй” гласит: “Какое дело немецкому народу до этого... Кто же им мешает. Почему же они не создали его десятки или сотни лет назад. А теперь хвастают этим, как миропотрясающим событием. Предоставьте же каждому народу ковать свою судьбу так, как он сам этого пожелает, плохо ли, хорошо ли. Но не нужно этого подчеркивать, как будто дело идет о чем-то особенно важном. И уж, во всяком случае, не нужно пытаться выставлять такие народы в качестве образца для немецкого народа. Все эти народы могли бы большему поучиться у немецкого народа”<sup>21</sup>. Очевидна реакция неприятия частью немцев предложенных оккупационными властями решений только потому, что они отдают высокомерием победителей.

С другой стороны, без “другого” нельзя понять себя: самоидентичность так или иначе формируется при участии внешнего элемента, отталкиваясь от него. Если допустить, что к лету 1945 г. немецкое самосознание было утеряно в результате исчезновения прежних систем координат – государства, границ, армии, закона, морали, то внешние ориентиры, наделенные авторитетом, были в 1945 г. Германии необходимы как никогда. Таким ориентиром могли стать и стали оккупационные державы – победители во Второй мировой войне, обладавшие силой и волей, способные вывести потерянную Германию на “правильный” путь. Удовлетворительное решение могло быть найдено в этом случае только при соблюдении баланса между самостоятельным поиском и подчинением авторитету.

Баланс этот был изначально нарушен привычкой к авторитарной риторике, доставшейся немцам в наследство от Третьего рейха. Национал-социалистическая пропаганда формировала и поддерживала веру немцев в сильного лидера, фюрера, который “думает для нас” и одновременно “за нас”<sup>22</sup>. Эта “промывка мозгов” в итоге сказалась на опыте ГДР, когда культ одного “вождя” (Сталина) незаметно подменил культ другого (Гитлера), сохранив прежнюю терминологию. “Поклонение Сталину предлагало переосмысление концепций национальной гордости, чести и патриотизма, табуированных вследствие падения Третьего рейха, но получивших шанс на реабилитацию”.

<sup>20</sup> В социальной психологии широко используются понятия “свой” – “чужой”: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980; Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009; *его же*. Человек для самого себя. М., 2009.

<sup>21</sup> Из доклада заместителя начальника советской военной администрации провинции Саксония А.Г. Котикова о политическом состоянии в провинции и работе органов немецкого самоуправления, 14 августа 1945 г. – СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949. М., 2006, с. 132.

<sup>22</sup> Нацистский лозунг “Führer denkt für uns” переводится на русский язык двояко: “фюрер думает для нас” и “фюрер думает за нас”.

литацию и новое смысловое наполнение в практиках выражения солидарности с Советским Союзом”, – писал научный сотрудник университета Франкфурта-на-Майне (ФРГ) А.А. Тихомиров<sup>23</sup>. Его исследование показывает, как сходство культов способствовало “ностальгии” по Третьему рейху, поскольку “биполярная оценка двух лидеров провоцировала недоверие к чужому Сталину, приводя, можно сказать, несколько автоматически к потребности доверия к своему Гитлеру”<sup>24</sup>.

Безоглядное насаждение советского образца одновременно вызывало закономерное отторжение немцев, поскольку не учитывало местной специфики – ни позитивных германских традиций, ни недавнего разочарования в нацистском мифе<sup>25</sup>. В отчете Общества германо-советской дружбы ГДР, сделанном в 1951 г., есть высказывание одного из его членов: “Почему Советский Союз настолько превозносится, а немецкое – это “ничто”? Везде говорится о том, что мы должны учиться у русских, у них лучшие токари, лучшая культура, лучшие постройки, лучшие техники. При этом русские даже не знали туалетов, они были совершенно невоспитанными! Только у немцев они научились приличиям и культуре!”<sup>26</sup> Эти слова не следует понимать буквально, они стереотипны и эмоционально окрашены, но также во многом показательны: во-первых, они демонстрируют неприятие чужих образцов, полностью оторванных от опыта воспринимающего; во-вторых, они говорят о том, что воздействие национал-социалистической пропаганды не могло быть устранено простой заменой на противоположный знак. В битве пропагандистских машин выигрывала та, что оставляла место для национальной гордости в соответствии с базовой потребностью человека гордиться собой и своим прошлым, в том числе своего народа и страны.

#### ГЕРМАНИЯ И ЧЕТЫРЕ ОККУПАЦИОННЫХ ДЕРЖАВЫ НА РУБЕЖЕ 1945 г.

Таким образом, отношение к оккупационной власти и ее деятельности сильно зависело от того, допускалось ли критическое переосмысление пройденного пути и его адаптация к представлениям немцев о самих себе. В качестве образца демократии все оккупационные державы предлагали себя. Так, Великобритания и Франция подарили миру основы Просвещения и успешный опыт буржуазно-демократических революций, США служили примером федеративного устройства, СССР выступал первопроходцем в социальной сфере. В марте 1949 г. многие немцы рассматривали в качестве достойных ориентиров президентскую демократию американского образца и французское унитарное государство времен кардинала Ришелье<sup>27</sup>. Все четыре оккупационных державы вместе и каждая в отдельности воспринимались немцами враждебно, что являлось прямым следствием национал-социалистической пропаганды, у которой для каждого противника был свой подход<sup>28</sup>.

<sup>23</sup> Тихомиров А.А. “Лучший друг немецкого народа”: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М., 2014, с. 270.

<sup>24</sup> Там же, с. 225.

<sup>25</sup> “Немецкие политики и интеллигенция дистанцировались от работы над культом Сталина, так как память о культе Гитлера была слишком жива, и участие в создании новой продукции таило угрозу очередной дискредитации”. – Там же, с. 137.

<sup>26</sup> Müller Ch.Th. Berfreier, Besatzer, “Brüder”: Die sowjetischen Truppen in der SBZ/DDR. – Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. Paderborn, 2006, S. 215.

<sup>27</sup> Согласно опросу общественного мнения, проведенному журналом “Шпигель” в начале 1949 г., американский образец демократии одобрили 54% опрошенных, французский – 86%. – Der Spiegel, 05.III.1949.

<sup>28</sup> Примеры нацистских плакатов с карикатурным изображением союзников по антигитлеровской коалиции см.: О कोरोков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007; Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры, кинофильмы Второй мировой войны. 1939–1945. М., 2008, с. 28–64.

С особым страхом немцы ожидали наступления советских войск, предвидя расправу над мирным населением и прочие жестокости в ответ на аналогичные меры немецких оккупантов на советской земле. Военный комендант г. Диппольдисвальде (недалеко от Дрездена) сообщал 6 июня 1945 г. политуправлению 1-го Украинского фронта о “резко выраженной общей боязни населения действий Красной Армии, причем население в ожидании введения особо строгого режима Красной Армией для населения; и только за последние 5–7 дней, в результате проведения местной комендатурой ряда мероприятий среди местного населения путем разъяснения политики Советского командования к немецкому народу и принятия решительных мер с мародерами отдельных лиц военнослужащих Красной Армии, чувствуется, что население начинает успокаиваться, причем население крайне удивлено, что к ним так хорошо относится Советское командование”<sup>29</sup>. Заряженные страхом перед “большевистской красной угрозой”, немцы ожидали увидеть русских “нищими недочеловеками, животными, лишенными всех человеческих чувств, в том числе сострадания”<sup>30</sup>. Стереотипный нацистский образ “большевика” – “со всеми его негативными атрибутами интернационализма, материализма и революционных устремлений – перекликался с двумя другими навязчивыми образами национал-социалистов: “еврейского мирового заговора” и русского (т.е. “азиатского”, расово более низкого и однозначно анти-европейского) характера большевистского режима”, – писал профессор университета Ланкастера (Великобритания) А. Каллис<sup>31</sup>.

Однако вместе с успехами советских войск приобретала популярность и социалистическая альтернатива, на деле доказавшая свою эффективность в ходе Второй мировой войны. Идея социализма стала в послевоенной Европе своеобразной темой дня, поскольку решение социальных вопросов, умноженных мировой войной и выгодно оттеняемых советской пропагандой, было одной из первоочередных задач. Политики-социалисты вошли в правительства Западной Европы, в том числе оккупационных держав Великобритании и Франции. Все это создавало для СССР определенные преимущества, однако не означало, что выбор в пользу советского образца будет однозначным.

Обратная сторона советской медали была известна европейской общественности еще с межвоенных времен. Кроме того, развернувшееся сразу после войны противостояние между западными державами и СССР ставило под сомнение согласие между союзниками, а вместе с ним и единую линию в германском вопросе. В результате творчески мыслящим немцам, готовым участвовать в создании нового государства, был навязан неотложный выбор – либо на Запад, либо на Восток. Параллельно неудачная политика СССР в Германии – например, насильственное объединение социалистов и коммунистов в Социалистическую единую партию Германии и блокада Берлина – разрушала едва обретенный образ авторитетного освободителя, а вместе с ним и последние иллюзии относительно советского пути. Немецкий историк М. Вильке пишет о последствиях Берлинского кризиса 1948–1949 гг.: “советские действия подтвердили правильность англо-американского курса по отношению к Советскому Союзу и эмоционально сплотили западных союзников, западных немцев и западных берлинцев. Блокада Берлина, с одной стороны, была конфликтом между Соединенными Штатами

<sup>29</sup> Политдонесение заместителя военного коменданта г. Диппольдисвальде по политической части Д.В. Дятчина начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта, заместителю командующего фронта по гражданским делам, начальнику Политотдела фронта о работе военной комендатуры по организации местных органов власти, 6 июня 1945 г. – СВАГ и немецкие органы самоуправления, с. 86.

<sup>30</sup> Образы Сталина как “красного поджигателя” и “инфернальной обезьяны” воплощены на нацистских плакатах. – Немецкая пропаганда в Беларуси. 1941–1944. Конфронтация между пропагандой и действительностью. Выставка в Берлине, Минске и Москве. Берлин, 2000, с. 32–33, 35.

<sup>31</sup> *Kallis A.A. Nazi Propaganda and the Second World War. New York, 2005, p. 77.*

и Советским Союзом, а с другой – моментом истины для принятия решений о судьбе Германии”<sup>32</sup>. В 1949 г. 51% опрошенных журналом “Шпигель” западных немцев голосовали на выборах только для того, чтобы не отдать коммунистам свой голос<sup>33</sup>. Симпатии партий западных зон оккупации, включая Социал-демократическую партию Германии во главе с ее духовным лидером К. Шумахером, отвернулись от восточной державы-победительницы и обратились к западным.

В восприятии немцами западных союзников также существовали серьезные различия, и их образ был далек от единого. Так, Великобритании и в годы войны довелось сохранить на национал-социалистических плакатах более или менее человеческое лицо – она показана как враг, ставленник всемирного еврейского капитала, но в целом нацизм не унижал английского врага, а победа над ним показывалась достойной борьбы на равных. Причиной столь сдержанной позиции могла стать предыстория соперничества молодой Германской империи со старым промышленным лидером или широко известный пиетет Гитлера в отношении Великобритании. Враги были хорошо известны друг другу, поэтому создание фантастической фигуры англичанина вряд ли могло принести национал-социалистической пропаганде весомые дивиденды. Кроме того, пропагандистский образ Великобритании перестал развиваться с момента вступления в войну США, так как вместе с американским “дядей Сэмом” в нацистской картине появился недостающий элемент – американский кукловод “еврейско-большевистско-капиталистического заговора”<sup>34</sup>.

В адрес заокеанского врага рейха – США активно использовалась мифология преимущественно антисемитской и расистской (антиафроамериканской) направленности. Но в боях в Европе США участвовали лишь в конце войны, непосредственный опыт боевых столкновений с немцами был короче, потери меньше, чем у других союзников. Американцы славилась своим дружелюбием к мирному немецкому населению, к которому послевоенные немцы относили широкую улыбку и наличие редких товаров, например, сигарет и шоколада. Немцы вспоминали о контрастирующих с послевоенной разрухой “по-мирному обмундированных американцах с их блестящими от чистоты униформами, их пайками в три-четыре блюда, к которым добавлялся ежедневный рацион “Нескафе”, шоколада “Хёрши” и сигаёт “Лаки Страйк”»<sup>35</sup>. Исходящий из Америки блеск завораживал немцев, уставших от войны, и порождал мысли об эмиграции: проведенный в 1947 г. в Южном Бадене и Южном Вюртемберге опрос студентов и школьников показал, что больше трети из них думали об этом<sup>36</sup>. Притягательный образ Америки сказывался и на матримониальном поведении немецких девушек: они вообще стремились к браку с офицером оккупационных сил, но американцы как женихи были привлекательнее других. В советской зоне об американцах немцы отзывались как о “мифических существах почти олимпийской величины”<sup>37</sup>; для немецких матерей американцы слыли “приятными”, “всегда хотели помочь на кухне с посудой и разрешали всевозможные мелкие дела по дому”<sup>38</sup>. Французы проигрывали американцам в

<sup>32</sup> Вильке М. Берлинский кризис 1948–1949 гг.: причины, ход, результаты. – 1948 год в германской истории. М., 2009, с. 142. См. также: Филитов А.М. Советская политика и Берлинский кризис 1948–1949 гг. – Там же, с. 25–43; Максимычев И.Ф. “Дырявая” блокада: Западный Берлин 1948–1949 гг. – Там же, с. 143–160; Захаров В.В. Военно-политические аспекты Берлинского кризиса 1948–1949 гг. – Там же, с. 161–180; Wettig G. Bereitschaft zu Einheit in Freiheit? München, 1999, S. 304.

<sup>33</sup> Der Spiegel, 05.III.1949.

<sup>34</sup> Kallis A.A. Op. cit., p. 85.

<sup>35</sup> Güstrow D. In jenen Jahren. (W) Berlin, 1983. – Das gespaltene Land. Leben in Deutschland 1945–1990. Texte und Dokumente zur Sozialgeschichte. München, 1993, S. 60–61.

<sup>36</sup> Cuer G. Der Französischunterricht und die französische Sprachenpolitik in Deutschland nach 1945. – Frankreichs Kulturpolitik in Deutschland, 1945–1950. Tübingen, 1987, S. 82.

<sup>37</sup> Bourke-White M. Deutschland, April 1945. “Dear Fatherland Rest Quietly”. München, 1979, S. 156.

<sup>38</sup> Ibid., S. 154.

рационе, британцы – близостью к родине, следовательно, более тесными связями с домом и семьей, “в результате чего их было сложнее захомутать”<sup>39</sup>.

К тому же США не были запятнаны участием в европейской дипломатии накануне Второй мировой войны, выступали против международной агрессии как таковой, сформулировав совместно с Великобританией принципы Атлантической хартии 1941 г. (отсутствие территориальных претензий со стороны США, право народов на самоопределение, общее разоружение после войны). По сути, “мировой” оттенок послевоенных решений, нацеленный на всеобщность и глобальность нового миропорядка, исходил именно с американской стороны. США после войны стали мировым экономическим лидером; политическое лидерство США набирало размах. К 1945 г. важная роль американцев в европейских делах была уже заметна. В ходе военных конференций британский премьер У. Черчилль неизменно согласовывал свои действия с президентом Ф. Рузвельтом; на конференции в Касабланке в январе 1943 г. они сформулировали требование безоговорочной капитуляции Германии, Италии и Японии. В начале 1946 г. на основе объединения британской и американской оккупационных зон Германии была создана Бизония, в которой англо-саксонский курс становился более или менее единым, в частности, таковым он выглядел в глазах немцев.

Третьим западным союзником была Франция. Французской оккупации немцы ждали почти с тем же замиранием сердца, что и советской, поскольку, во-первых, они предполагали враждебное отношение к ним со стороны французов, во-вторых, отказывались воспринять Францию как авторитет в делах государственного строительства. Нацистская пропаганда высмеивала французское Просвещение и издевалась над слабостью Франции во Второй мировой войне. Так, на обложке пропагандистской брошюры “Борьба фюрера во Франции”<sup>40</sup> была размещена фотография Гитлера, мирно позирующего на фоне Эйфелевой башни. Ирония подчеркивала пренебрежение немцев в адрес французов. Пренебрежение к французам не раз выражалось в ходе оккупации, когда немцы выказывали неуважение в отношении французов, не допускаемое в адрес других оккупационных держав, например, передразнивая оккупационных солдат у них за спиной<sup>41</sup>.

Франко-германское соперничество лежало в основе двух мировых войн, так что к 1945 г. противоречий между странами накопилось много. Сдавшись в 1940 г. почти без боя, Франция была разделена на две части (оккупированные Германией территории и марионеточное государство Виши) и так и не смогла освободиться от национал-социалистического господства своими силами: Париж отвоевали в 1944 г. американские, канадские и польские войска. Однако по настоянию Черчилля в противовес Советскому Союзу Франция все же была введена в состав оккупационных держав, что сразу вызвало ряд трудностей: в частности, именно французское вето (отказ выполнять в своей зоне постановления Потсдамской конференции, на которую Францию не пригласили) воспрепятствовало созданию в 1945 г. общегерманского правительства. Тем самым появилась возможность сделать Францию ответственной за несостоявшееся после Второй мировой войны германское единство.

#### **ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОККУПАНТА В ГЕРМАНИИ В ХОДЕ СОЮЗНОЙ ОККУПАЦИИ ПОСЛЕ 1945 г.**

Опыт взаимодействия немцев с четырьмя оккупационными властями отчасти подтвердил, отчасти опроверг немецкие первичные опасения и стереотипы. Подробное

<sup>39</sup> Ibid., S. 157.

<sup>40</sup> Des Führers Kampf in Frankreich. Hitler Propaganda Booklets. Issued by the German Third Reich from 1933 to 1940. [s.e., s.a.].

<sup>41</sup> Интервью автора с очевидцем Н. Бельцером 18 января 2007 г. Бельцер и его друзья-немцы передразнивали французского офицера с нервным тиком, за что были арестованы и содержались под охраной до тех пор, пока не принесли французу извинения. – Архив автора.

рассмотрение оккупационной политики четырех держав не входит в задачи данной статьи, но даже беглый обзор основных событий показывает, как изменилось восприятие союзников в оккупированной Германии. Речь идет не о подробном анализе общественного мнения, а об общем впечатлении, оставленном союзнической оккупацией и оккупационными державами в глазах немцев.

Негативные оценки в восприятии многих немцев получала советская оккупация, приведшая к созданию в Восточной Германии партийной диктатуры. На фоне этого результата позитивные меры, предпринятые советскими оккупационными властями по налаживанию мирной жизни в своей зоне<sup>42</sup>, были вытеснены из активной памяти немцев. Одобрительная оценка политики советской военной администрации со стороны восточногерманской прессы по причинам идеологической цензуры не может считаться объективной.

Отчасти подтвердились негативные ожидания немцев в адрес французов. Французская оккупация, несмотря на в целом взвешенную политику оккупационных властей, осталась черным пятном в германской историографии из-за обширных демонстраций оборудования, вырубки леса Шварцвальда и политической изоляции французской зоны. Ни поддержка антифашистских комитетов, запрещенных в остальных западных зонах, ни гибкая система денацификации или содействие будущему германскому федерализму не смогли преломить отрицательного отношения к французской оккупации, называемой исследователями “мрачным временем французов”<sup>43</sup>. Германская исследовательница А. Руге-Шатц описывает французскую культурную политику в зоне оккупации Германии после Второй мировой войны как социально консервативную и высокомерно-попечительную<sup>44</sup>. Пристальный взгляд историка демонстрирует устойчивость оценок французской оккупации как таковой. Значимо здесь именно то, что выхватывает немецкий взгляд из общей картины оккупации, ведь высокомерное отношение к немцам наблюдалось со стороны всех четырех оккупационных властей, а не только с французской.

Оставляя за скобками конкретные исторические причины событий, признаем, что оккупационная практика испытывала на себе определенное влияние старых ментальных схем, что подтверждается опытом двух других оккупационных зон: британской и американской. Позитивный настрой в отношении американцев и уважение к британцам позволили воспринять общие направления государственного переустройства, которые предлагались англо-саксонским дуэтом, и согласовать с ними свой, немецкий вариант федеративной демократии. Из идей, которые союзники считали необходимым привить на немецкой почве, в Основном законе ФРГ был отражен примат демократии, сильная социальная политика и федеративное устройство. Это не означает, что идеи оккупантов были восприняты вплоть до деталей. Содержание Основного закона ФРГ вписывается в рамки германской правовой и государственной традиции. Скорее речь идет о том, что выбор в пользу Запада был сделан под руководством двух держав, за которыми не тянулся шлейф негативного политического опыта<sup>45</sup>.

<sup>42</sup> Преподаватель Северного (Арктического) университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск) Р.Ю. Болдырев отмечает: “Но все же советским властям удалось, пусть и не на довоенном уровне, восстановить разрушенную экономику и инфраструктуру Восточной Германии, обеспечить немецкому населению уровень жизни, ненамного отличавшийся от среднегерманских показателей того периода времени. И это при том, что производственные и финансовые ресурсы США и СССР в тот период времени были просто несопоставимы”. – *Болдырев Р.Ю.* Ситуация в послевоенной Германии в оценках СВАГ. – *Послевоенная история Германии: российский-немецкий опыт и перспективы.* М., 2007, с. 62.

<sup>43</sup> *Wolfrum E.* Not und Neubeginn: Die französische Besatzungspolitik. – *Vis-à-vis: Deutschland – Frankreich.* Paris – Köln, 1998, S. 83.

<sup>44</sup> *Ruge-Schatz A.* Grundprobleme der Kulturpolitik in der französischen Besatzungszone. – *Die Deutschlandpolitik Frankreichs und die französische Zone.* Wiesbaden, 1983.

<sup>45</sup> *Коришонов Ю.М.* Оккупационная политика Великобритании в Германии: 1945–1949 гг. (Автореферат канд. дисс. М., 2004); *Мурашов М.А.* Участие западногерманских политических

За положительными ожиданиями, подтвержденными опытом, следовало доверие. США и Великобритания, несмотря на огромные затраты, которых потребовало поддержание воздушного моста<sup>46</sup>, не бросили Западный Берлин на произвол судьбы во время советской блокады. Бизония объявила себя открытой для вступления остальных частей (зон) Германии, призывая к воплощению в жизнь заявленного союзниками германского единства. В 1949 г. этот шаг предприняла французская зона, превратив Бизонию в Тризонию накануне создания ФРГ. В пользу англо-саксонского дуэта свидетельствовал и тот факт, что экономические реформы 1948 г. проводились в западных зонах по инициативе и под руководством немецких политиков. На фоне насаждавшейся в советской зоне партийной диктатуры политическое развитие в Бизонии выглядело притягательно. Оказанное немцами доверие англо-американским союзникам себя оправдало.

Проследим эволюцию образа иностранного победителя от первых послевоенных месяцев оккупации Германии до оформления двух германских государств. В целом все оккупационные державы проходили сходные этапы во взаимоотношениях с местным населением. Первое взаимодействие во многом определялось неизвестностью и отсутствием готовых решений союзников в отношении Германии: «Распространяемые слухи, как правило рожденные из имевших место фактов насилия и прочих преступных действий со стороны иностранных войск, к тому же гиперболизированные, еще больше усиливали тревогу и панику»<sup>47</sup>. Кто-то из местного населения еще до прихода оккупационных войск предусмотрительно прятал национал-социалистическую литературу, а кто-то забывал в спешке снять со стены портрет Гитлера и должен был выкинуть его в окно, чтобы не вызвать гнев союзнических солдат<sup>48</sup>. В целом же немцы сталкивались с разными обыденными ситуациями и с любопытством наблюдали за оккупантами.

Решающую роль играл непосредственный опыт, который быстро показал, что люди – везде люди, мало похожие на образы врага, рисуемые на военных плакатах. Советско-российский историк В.В. Чубинский, служивший в Германии после войны, пишет о немцах, которых он встретил в лагере военнопленных, как о «зауряднейших человеках», очень послушных, часто угодливых, склонных к сентиментальности: «Правда, даже на наш юношеский взгляд, многие из них оказались на удивление неразвитыми, да и туповатых было больше, чем нужно. Но некоторые казались вполне разумными и даже... симпатичными»<sup>49</sup>. Немцы, в свою очередь, находили много общего с советскими солдатами – долгие годы военных лишений делали изможденных оккупантов и оккупирруемых похожими друг на друга: «Сложилось даже что-то вроде общности жертв, в чем свою роль сыграли распространившиеся фотографии освобожденных русских городов, которые были столь же опустошенными, как и наши собственные. Также они, кажется, ничего не знали о запрете на братание и показывали нам добрую доверчивость, которую мы до этого встречали только у чернокожих солдат американских войск»<sup>50</sup>.

В то же время по окончании военных действий солдаты превратились в представителей оккупационной власти, и ситуация изменилась. Пока немцы не знали, какова судьба Германии, они оставались во всех смыслах зависимыми от каждого проходя-

---

партий в создании ФРГ: 1948–1949 гг. (Автореферат канд. дисс. М., 2004); Некрасова Т.А. Федерализм и политика в землях французской зоны оккупации Германии в 1945–1949 гг. (Автореферат канд. дисс. М., 2009).

<sup>46</sup> Филитов А.М. Указ. соч., с. 41.

<sup>47</sup> Мудров С.Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945–1947 гг.). Ярославль, 2011, с. 22.

<sup>48</sup> Unruhige Zeiten. Erlebnisberichte aus dem Landkreis Celle 1945–1949. München, 1991.

<sup>49</sup> Чубинский В.В. Моя оккупация Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946–1950 гг. СПб., 2004, с. 73.

<sup>50</sup> Güstrow D. Op. cit., S. 61.

шего военного: всплески насилия и бесчинства озверевших солдат, вечные спутники войны, сочетались с такими “мелочами” как выселения и конфискация имущества, которые было трудно оспорить. Оккупанты всех зон справедливо указывали на то, что развязана эта война Германией, следовательно, платить за ее последствия придется немцам. Местное население пыталось смягчить гнев союзников, повторяя, что Германия и немцы — это не всегда одно и то же. Бургомистр Штеглицкого района Берлина, выступая в мае 1945 г. на собрании районных бургомистров, заявлял: “Весь немецкий народ знает, что он провинился перед русским народом, но русские должны понять, что немецкий народ не виновен в том, что гитлеровцы так поступили и довели страну до такого положения”<sup>51</sup>.

В этих словах говорит, прежде всего, страх; этот страх был обоснован: оккупационные солдаты по всей Германии чувствовали свою власть. В.В. Чубинского в первое время пребывания в Германии захватило чувство, что “победители и хозяева здесь мы”<sup>52</sup>, а американский генерал Д. Паттон, показывая на карте линию фронта недалеко от Берлина, гордо декларировал: “До сюда нам принадлежит мир”<sup>53</sup>. Привилегированное положение оккупационных властей порождало совсем не демократический церемониал. В первое время оккупации французы “вели себя как победители”<sup>54</sup>: представляли немцев приветствовать французский флаг и сбивали с населения шапки<sup>55</sup>. Сын социал-демократа Карло Шмида Мартин хорошо запомнил знаменательный день, когда французский офицер впервые предложил его отцу стул, тогда как все первые месяцы оккупации главы создававшегося немецкого управления докладывали французам стоя<sup>56</sup>.

Ситуация начала меняться после Потсдамской конференции, которую немецкое население, как любую определенность, встретило с облегчением. Житель города Кельбер Банзе (советская зона) заявлял: “Надо быть довольным тем, что эта конференция состоялась, а не была сорвана, чего я больше всего боялся. Если бы эта конференция не приняла общих решений, для немцев это было бы очень плохо, так как могла возникнуть новая война, и Германия превратилась бы в арену новых боевых действий. А нам сейчас нужен покой и еще раз покой”<sup>57</sup>. Из отчета, составленного в советской зоне в августе 1945 г., следует, что немцы ожидали более жесткого решения, хотя вопрос о границе с Польшей все же вызвал негативные отклики<sup>58</sup>.

Но как немцы были зависимы от оккупантов, так и оккупационные власти были зависимы от немецких активистов. После Потсдамской конференции перед военными администрациями в зонах были поставлены конкретные задачи, которые нужно было выполнять, не зная местной специфики и отчитываясь перед своим правительством. Сложности возникали даже там, где их не предвидели, например, в приспособлении советских администраторов к механизмам капиталистической экономики; от успеха экономической политики в зоне зависело отношение к конкретной оккупационной власти и, следовательно, перспективы ее политики в Германии. М.И. Семиряга писал:

---

<sup>51</sup> Докладная записка заместителя командующего 1-м Белорусским фронтом по делам гражданской администрации И.А. Серова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии о мероприятиях по оказанию помощи местным органам власти в г. Берлине, 11 мая 1945 г. — СВАГ и немецкие органы самоуправления, с. 64.

<sup>52</sup> Чубинский В.В. Указ. соч., с. 78.

<sup>53</sup> Bourke-White M. Op. cit., S. 51.

<sup>54</sup> Интервью автора с очевидцем Ф.-Й. Хейеном 17 января 2007 г. — Архив автора.

<sup>55</sup> Интервью автора с очевидцем Х. Херцем 22 января 2007 г. — Там же.

<sup>56</sup> Schmid M. Erinnerungen. — Frankreichs Kulturpolitik in Deutschland, S. 308.

<sup>57</sup> Из доклада заместителя начальника СВА провинции Саксония А.Г. Котикова о политическом состоянии в провинции и работе органов немецкого самоуправления, 14 августа 1945 г. — СВАГ и немецкие органы самоуправления, с. 128–129.

<sup>58</sup> Из доклада заместителя начальника СВА провинции Бранденбург В.М. Шарова об экономическом и политическом состоянии провинции и работе органов немецкого самоуправления, 14 августа 1945 г. — Там же, с. 124.

“Даже те, кто имел опыт хозяйствования при советской системе, не могли немедленно приспособиться к рыночным отношениям и специфическим политическим особенностям в Германии. Учиться надо было не в академиях, а в конкретной и совершенно незнакомой советским людям повседневной практике”<sup>59</sup>.

Сложившаяся ситуация предоставляла неожиданно широкое пространство для маневра тем немцам, которым удавалось наладить контакт с местной оккупационной администрацией. Немецкий историк Т. Эшенбург, прошедший послевоенное время во французской зоне оккупации, вспоминал, что немецкие выдвиженцы первого часа становились “неограниченными господами”, “настоящими королями”, поскольку владели всей информацией о местных делах: “Военный губернатор, городской губернатор были крайне заинтересованы в том, чтобы ввиду всеобщей нужды и дефицита на подвластных им территориях жилось так сносно, как это только было возможно. Мэры и главы администраций моментально на это реагировали. Это было не так сложно”<sup>60</sup>. Одним из таких “королей” стал К. Шмид, сумевший благодаря французским корням, блестящему знанию французского языка и культуры сформировать что-то вроде команды с местным французским губернатором Корбином де Мангу. Возможности Шмида были ограничены: он не смог предотвратить формирование двух сепаратных правительств в Вюртемберге, разделенном между французской и американской оккупационными зонами. Тем не менее, Мангу признал Шмида “как представителя города Тюбингена, получал от него информацию и советы, действовал в соответствии с этими советами и предоставил ему свободу действий”<sup>61</sup>. Деятельность во французской зоне стала для Шмида успешным стартом перед работой на западногерманском уровне, где он участвовал в разработке Основного закона ФРГ и был одним из главных вдохновителей формулы “временности” Федеративной республики.

Сложности послевоенного времени открывали возможности не только талантливым политикам, но и бывшим рядовым нацистам, которые за определенную покаянную сумму допускались к выполнению административных функций, о чем свидетельствовали советские донесения, констатирующие лояльность бывших нацистов в английской и американской зонах<sup>62</sup>. При этих обстоятельствах немцы быстро убеждались в собственных государственных перспективах и становились смелее и на бытовом, и на политическом уровне. После отмены запрета на братание (1 октября 1945 г.) британский капитан в Киле жаловался своей американской попутнице, что “они (немцы. — Т.Н.) здесь на Севере стали действительно заносчивыми. Теперь они могут решать, хотят ли они с нами говорить или нет. Раньше они все средства использовали, чтобы мы с ними разговаривали. Мне кажется, Верховное главнокомандование сильно просчиталось, когда отменило запрет”<sup>63</sup>.

Изменение взаимоотношений между немцами и оккупантами видно и из анализа западногерманской прессы на рубеже создания ФРГ. Из анализа статей одного из ведущих массовых аналитических изданий Западной Германии журнала “Шпигель” за 1947–1952 гг. видно: на место стереотипов пришли прагматические оценки. Ушел страх, его заменило спокойное отношение к оккупации как к данности.

Нивелируется разница в восприятии разных оккупационных держав: первые принципиальные решения относительно Германии приняты, общая линия в германском

<sup>59</sup> Семиряга М.И. Указ. соч., с. 24.

<sup>60</sup> Eschenburg Th. Carlo Schmid und die französische Besatzungspolitik. – Frankreichs Kulturpolitik in Deutschland, S. 298.

<sup>61</sup> Schmid M. Op. cit., S. 308.

<sup>62</sup> Политдонесение начальника Отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В.М. Демидова начальнику УСВА провинции Саксония, начальнику Управления пропаганды СВАГ, начальнику 7-го отделения Политотдела 3-й ударной армии о настроениях немецкого населения, 5 января 1946 г. – СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945–1949. М., 2006, с. 145.

<sup>63</sup> Bourke-White M. Op. cit., S. 148.

вопросе намечена, методы оккупационной практики знакомы, поэтому в конце 1940-х годов речь идет только о том, кто будет назначен в оккупационной администрации на ту или иную должность. Различия между чиновниками своей значимости не теряют, но к национальной принадлежности отношения уже не имеют, каждый случай – частный<sup>64</sup>. Среди видных чинов оккупационной власти особых комплиментов немцев заслужил французский главнокомандующий в Германии генерал П. Кёниг, продержавшийся на своем посту с начала оккупации до августа 1949 г. “Он стратег с обаятельным и снисходительным смехом и выдающийся человек; его фигура – поистине голлистской величины. Так можно сказать не только о его внешних качествах”<sup>65</sup>, – писал “Шпигель”. Таким образом, стереотипы не мешали немцам оценить по заслугам человека, даже если он “наследственный враг” – француз.

С 1949 г. идет процесс переосмысления роли немцев во взаимоотношениях с союзниками. Образ западных союзников консолидируется и противопоставляется западным немцам как субъекту нового государства. 9 сентября 1949 г., накануне заседания бундестага, в “Шпигеле” с удивлением рассматриваются организационные вопросы и материальные обстоятельства, сопровождавшие первое в истории ФРГ собрание парламента: напечатаны приглашения для депутатов, на тонкой бумаге написано жирным курсивом “Бонн на Рейне – Бундесхаус”. Но вовремя разослать приглашения не удастся, поэтому они ждут адресатов в партийных бюро. Работа германских политиков проходит в скромных помещениях, что продиктовано соображениями строгой экономии. Название статьи в “Шпигеле” говорит само за себя: “Хорошо и дешево, много и дешево”. В то же время изучаются условия размещения оккупационных властей: они заняли лучшие здания Бонна: «“Ворота к красоте” Гитлера (Отель “Дреезен”) заселяет французская контрольная комиссия. Это 4798 квадратных метров в 126 комнатах. Тем самым старый спор закрыт»<sup>66</sup>. Хотя здесь заметна традиционная ирония немцев в адрес французов, англичане и американцы не избежали аналогичных упреков.

Склонностью к “красивой жизни” в Германии отличались, прежде всего, представители США: «Каждый шестой американец имеет частный автомобиль... Каждый второй американец остался в Германии из-за подруги-немки, каждый третий потому, что ему и без “черного рынка” в Германии живется хорошо»<sup>67</sup>. Таким образом, прежние преимущества, такие как сибаритство и благосостояние американских военных, превращаются в недостатки, поскольку контрастируют с бедной жизнью немцев, а ориентиром теперь служит именно она. Согласно опросу общественного мнения, проведенному журналом “Шпигель”, 50% респондентов в начале 1949 г. предпочли бы уход западных союзников из Германии, если уйдут и русские<sup>68</sup>. Иначе говоря, образ западного оккупанта – “старшего брата” не находит реального подтверждения. Только 16% опрошенных западных немцев выступали за увеличение союзнических войск в Западной Германии для защиты от СССР, тем самым отказываясь принять на себя полную ответственность за германское будущее.

Риторика рубежа 1940–1950-х годов отражает изменение политических реалий в Западной Германии. В сентябре 1949 г. был избран первый канцлер ФРГ К. Аденауэр, подготовленный германскому народу и олицетворявший новую демократическую власть. Исключительная власть западных союзников была отменена в 1949 г. Оккупационным статутом, сохранявшим в ФРГ режим оккупации, верховную власть США, Великобритании и Франции, но по сути сводившим ее к контролю над соблюдением

---

<sup>64</sup> О должностных изменениях в американской и французской зонах см.: McNarney geht übers Wasser. Stabwechsel vor den I. G. – Der Spiegel, 22.III.1947; Nicht genug geflaggt. Solide Verbindungen. – Der Spiegel, 29.XI.1947.

<sup>65</sup> Nicht genug geflaggt. Solide Verbindungen. – Der Spiegel, 29.XI.1947.

<sup>66</sup> Die Weihe des Hauses. Gut und billig, viel und billig. – Der Spiegel, 8.IX.1949.

<sup>67</sup> Fleischtpöfe. – Der Spiegel, 29.I.1949.

<sup>68</sup> Umfrage. Ihre Meinung. – Der Spiegel, 5.III.1949.

Основного закона ФРГ<sup>69</sup>. Но и до того немецкие политики из западных зон оккупации позволяли себе самостоятельные шаги. Например, отмена контроля над ценами без предварительного согласования с оккупационными властями (денежная реформа 1948 г.). Летом 1949 г. уже не только немцы подотчетны оккупантам, но и наоборот: общественные организации западных зон требуют от военных администраций равных и справедливых выплат за изъятые квартиры, дома и другие ценности: “Мы хотим четкую правовую основу!”<sup>70</sup> Факт, что немцы позволяют себе требовать что-либо от оккупационных властей, говорит об осознании немцами своего политического веса. Таким образом, союзники из полноправной власти превратились в партнеров, хоть и старших и авторитетных в своей позиции на международной арене<sup>71</sup>.

В Западной Германии несколько мифологизированным остался образ советского оккупанта. Развертывание риторики “холодной войны” и отсутствие опыта сотрудничества с советской властью способствовали сохранению в ФРГ стереотипного мышления в адрес непредсказуемого оппонента. Так, например, в 1952 г. описывается встреча с советскими военными: “В офицерском клубе Клина была богато представлена закуска и водка. На стенах висят карты и диаграммы. В углу стоит молодцеватый десантник в новом с иголочки обмундировании”<sup>72</sup>. Без дополнительного анализа трудно сказать, имело ли содержание новых стереотипов прямую преемственность с образами из Третьего рейха или Веймара, однако наличие шаблонного мышления говорит о недостатке знаний западных немцев о Советском Союзе. Все это подтверждает старую истину, согласно которой незнание провоцирует стереотипы, способные выживать только в условиях изоляции или самоизоляции. Противовесом незнанию может стать опыт, раскрывающий все богатство исторической реальности, многообразие человеческих судеб и решений.

---

<sup>69</sup> Оккупационный статут вступил в силу 21 сентября 1949 г.: *Besatzungsstatut für Westdeutschland, proklamiert von der Außenministerkonferenz der USA, Großbritanniens und Frankreichs am 8. April 1949 in Washington*. – *Zur Deutschlandpolitik der Anti-Hitler-Koalition (1943 bis 1949)*. Berlin, 1968, S. 213–216.

<sup>70</sup> Zurück in unsere Häuser. Die Hosen voll. – *Der Spiegel*, 18.VIII.1949.

<sup>71</sup> Сотрудник Института Европы РАН А.А. Синдеев обозначает отношения между ФРГ и западными союзниками как смешанный вариант партнерства и сотрудничества, “способствующий мифологичности, внутренне противоречивый и неясный по форме”. – *Синдеев А.А. Германия и США: партнерство или сотрудничество? – Современная Германия. Экономика и политика*. М., 2015, с. 591–593.

<sup>72</sup> Sowjet-Armee. Verlorene Haufen. – *Der Spiegel*, 12.III.1952.